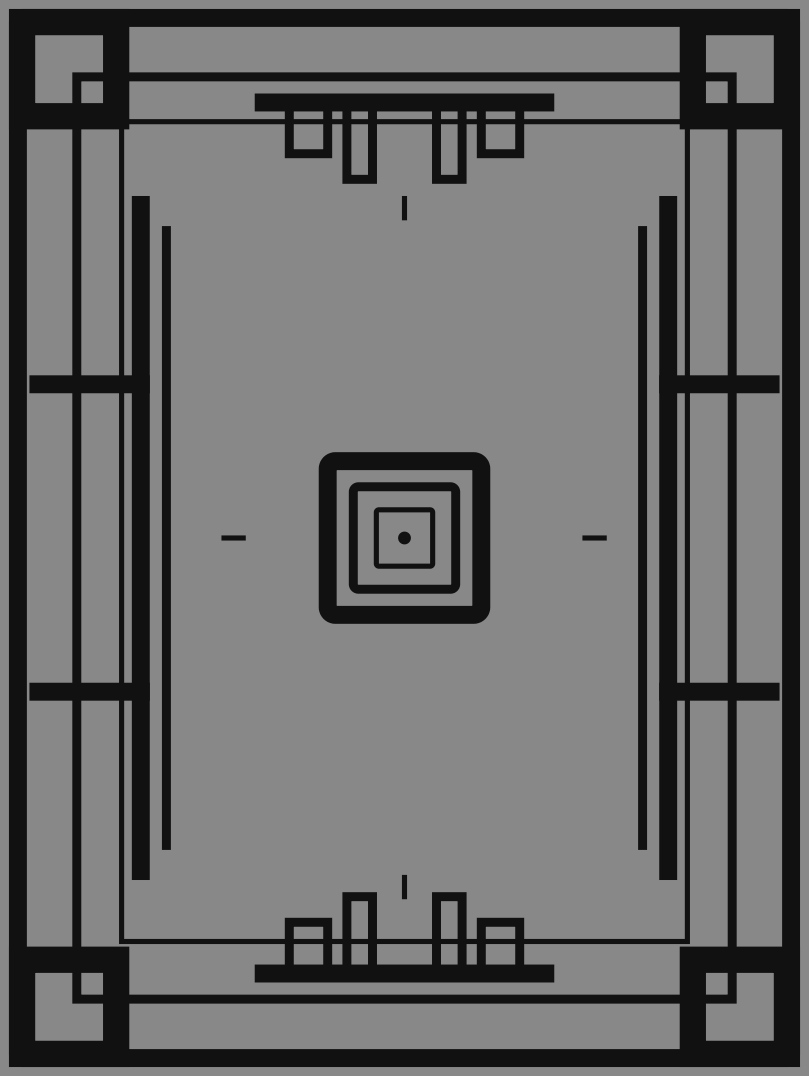

Турджан из Миира
Джек Вэнс

Турджан из Миира

Турджан из Миира

Турджан сидел на табурете в лаборатории, широко расставив ноги и опираясь локтями на верстак за спиной. Напротив находилась клеть, на каковую Турджан взирал с удрученным раздражением. Заключенная в клетку тварь столь же сосредоточенно смотрела на него — с выражением, не поддающимся истолкованию.

Существо это — с огромной головой на тщедушном тельце, с близорукими слезящимися глазами и дряблым носом пуговкой — не могло вызывать ничего, кроме жалости. Его слюнявый рот безвольно приоткрылся, розоватая кожа блестела, как навощенная. Несмотря на очевидное несовершенство, таков был на данный момент самый успешный продукт растильных чанов Турджана.

Турджан встал и взял горшок с полужидкой кашей. Пользуясь длинной ложкой, он поднес пищу ко рту существа. Рот отверг ложку — стекая по глянцевой коже, обрывки каши шлепались на рахитичное тельце.

Турджан поставил горшок рядом с клеткой, вернулся к табурету и медленно присел. Тварь отказывалась есть уже целую неделю. Неужели под идиотской внешностью этой образины скрывалась проницательность? Воля к прекращению существования? По мере того, как Турджан на-

блюдал за своим произведением, голубоватые белесые глаза существа закатились, огромная голова поникла и с глухим стуком упала на пол. Конечности твари расслабились — она сдохла.

Турджан вздохнул и покинул помещение. Поднимаясь по извилистой каменной лестнице, в конце концов он вышел на крышу замка Миир, возвышавшегося над глубокой долиной реки Дерны. На западе Солнце уже приближалось к горизонту древней Земли; рубиновые косые лучи, словно насыщенные густым вином, пробивались между корявыми кряжистыми стволами архаического леса и озаряли подстилку мшистого дерна. Солнце заходило, совершая обряд, заведенный испокон веков; ночь последних дней — мягкий теплый мрак — быстро окутывала лес, пока Турджан стоял, размышляя о смерти своего новейшего творения.

Он вспоминал множество предыдущих экспериментов: тварь, состоявшую из слипшихся глаз, бескостное существо с обнаженной пульсирующей поверхностью мозга, прекрасное женское тело, кишки которого тянулись из него в питательном растворе подобно ищущим опоры шевелящимся побегам, вывернутые наизнанку организмы… Турджан уныло вздохнул. Он

применял ошибочные методы; в процессе синтеза отсутствовал какой-то фундаментальный элемент, матрица, упорядочивающая развитие органов и тканей.

Сидя на скамье и глядя на темнеющий ландшафт, Турджан погрузился памятью в сумрак прошлого — когда-то, много лет тому назад, здесь, рядом с ним, стоял Мудрец.

«В незапамятные времена, — говорил Мудрец, устремив взор на звезду, мерцавшую над самым горизонтом, — чародеям были известны тысячи заклинаний, и любые пожелания кудесников исполнялись. Теперь Земля умирает — в распоряжении людей осталась лишь сотня заклинаний, дошедших до нас благодаря древним книгам… Есть, однако, один чудотворец, по имени Панделюм — ему известны все заклинания, колдовские чары, магические формулы, руны и тавматургические обряды, какие когда-либо расчленяли и претворяли пространство…» Мудрец замолчал, погрузившись в раздумье.

«Где он, этот Панделюм?» — спросил через некоторое время Турджан.

«Он обитает в Эмбелионе, — ответил Мудрец, — но где находится эта страна, никто не знает».

«Как же его найти, если никто не знает, где

он?»

Мудрец усмехнулся: «Если оно когда-нибудь кому-нибудь понадобится, существует заклинание, позволяющее перенестись в Эмбелион».

Оба помолчали, после чего Мудрец произнес, глядя куда-то поверх лесных крон: «Панделюму можно задать любой вопрос — и он ответит, если вопрошающий сделает то, чего пожелает Панделюм. А выполнять желания Панделюма непросто».

Мудрец согласился показать Турджану упомянутое заклинание, обнаруженное им в папке древних документов и до тех пор никому другому не известное.

Вспомнив об этой беседе, Турджан спустился к себе в кабинет — продолговатое помещение с низким потолком, каменными стенами и каменным полом, утепленным толстым рыжеватым ковром. Тома, содержавшие доступные Турджану магические сведения, беспорядочно заполняли полки нескольких стеллажей; наиболее употребительные лежали на длинном столе из черной стали. Здесь были справочники из собраний чародеев прошлого, растрепанные фолианты Мудреца и переплетенные в кожу либрамы, испещренные слоговыми символами сотни могущественных

заклинаний — настолько непреодолимых для непосвященных, что даже Турджан не был способен запомнить больше четырех одновременно.

Турджан отыскал затхлую папку и перелистал неподатливые толстые страницы до указанного Мудрецом места, где начиналось заклинание «Вызова неистового вихря». Глядя на символы древней формулы, он ощущал пульсирующую в них жгучую, настойчивую энергию — они словно пытались отделиться от пергамента в лихорадочном стремлении покинуть темное одиночество забвения.

Турджан закрыл папку, заставив заклинание вернуться в небытие. Накинув короткий голубой плащ, он засунул за пояс шпагу и надел на запястье браслет с вырезанной в камне руной Лаккоделя. После этого он присел на скамью у стола и выбрал из реестра заклинания, которые ему следовало взять с собой. Так как характер предстоявших опасностей невозможно было предсказать, он запечатлел в памяти три формулы общего назначения: «Великолепный призматический спрыск», «Мантию-невидимку Фандаала» и «Заклятие завороженного времени».

Взойдя на парапеты замка, Турджан стоял

под звездами, вдыхая воздух древней Земли… Сколько раз тот же воздух вдыхали другие? Какие крики боли наполняли этот воздух, какие вздохи, смех, воинственные кличи, торжествующие возгласы, изумленные восклицания?

Ночь подходила к концу. В лесной чаще мерещились голубоватые отсветы. Помолчав еще несколько секунд, Турджан наконец расправил плечи и провозгласил «Вызов неистового вихря».

Сначала ничто не нарушало тишину; затем послышался шорох, становившийся все громче и превратившийся в рев ураганного ветра. Посреди смерча появилось светлое волокно; конвульсивно утолщаясь, оно заполнялось клубящимся столбом мрака. Из глубины шквала раздался грубый басистый голос: «Транзитное средство прибыло по вызову. Камо грядеши?»

«В четырех направлениях, а затем в одном, — ответил Турджан. — Меня надлежит доставить в Эмбелион, в целости и сохранности».

Вихрь опустился и подхватил размахивающего руками и ногами, кувыркающегося Турджана ввысь и вдаль, на неизмеримое расстояние. Он мчался в четырех направлениях сразу, затем в одном, после чего, словно вытолкнутый из смерча пинком, растянулся на поверхности Эмбелиона.

Пошатываясь, почти оглушенный Турджан поднялся на ноги. Мало-помалу он пришел в себя и осмотрелся.

Он стоял на берегу прозрачного пруда. Вокруг ног росли доходившие до щиколоток синие цветы, а за спиной виднелась роща высоких деревьев с сине-зеленой листвой, вершины которых мутнели в туманной дымке. Находился ли Эмбелион на Земле? Деревья напоминали земные, цветы казались знакомыми, воздух ничем не отличался от привычного… Тем не менее, здесь чего-то недоставало — Турджан никак не мог понять, чего именно. Возможно, такое ощущение возникало из-за любопытной неопределенности горизонта — или в связи с каким-то свойством местного воздуха: в нем все выглядело слегка расплывчатым, слегка изменчивым, озаренным трепещущими бликами, как под водой. Самое странное зрелище, однако, открывалось при взгляде на небо, покрытое рябью гигантских пересекающихся, наплывающих одна на другую волн, рассеивавших мириады разноцветных лучей, переплетавшихся в чудесные ажурные кружева, в радужные сети, отливавшие всеми оттенками спектра подобно бесчисленным граням драгоценностей. По мере того, как Турджан наблюдал за пертурбациями

невероятного неба, над ним проносились пучки винно-красных, топазовых голубых, насыщенных фиолетовых, пылающих зеленых лучей. Он начинал сознавать, что оттенки цветов и древесной листвы — не более чем мимолетные отражения состояния неба; цветы уже приобрели розовато-оранжевый оттенок, а кроны деревьев — дремотно-пурпурный. Цветы потемнели до медно-красного блеска, после чего стали ярко-каштановыми, а затем пунцовыми, в то время как деревья покрылись нежно-аквамариновой листвой.

«Никому не ведомо, где эта страна, — говорил себе Турджан. — Куда занес меня волшебный вихрь? К далекой звезде? В бездну другого измерения? В мир, существовавший до начала всего сущего? Или, напротив, в тот мир, где сознание прозябает после смерти?» Когда он присматривался к горизонту, ему казалось, что он видит выступающую из-за горизонта и пропадающую в непроглядном тумане черную завесу — судя по всему, эта завеса окружала Эмбелион со всех сторон.

Послышался топот галопирующих копыт — обернувшись, Турджан увидел черного коня, несущегося на всем скаку по берегу пруда.

Животное погоняла молодая женщина с дико развевающимися черными волосами. На ней были свободные белые бриджи до колен и плещущий на ветру желтый плащ. Левой рукой она держала поводья, правой — сверкающую шпагу.

Турджан опасливо попятился — девушка плотно сжала побледневшие губы, словно была чем-то разгневана, глаза ее горели странным лихорадочным пылом. Натянув поводья, незнакомка развернула коня, заставив его подняться на дыбы, и понеслась к Турджану, замахнувшись шпагой и явно намереваясь отсечь ему голову.

Турджан отскочил и выхватил шпагу. Когда наездница атаковала его снова, он отразил удар и, наклонившись вперед, уколол ее в предплечье — выступила капля крови. Девушка изумленно отшатнулась, но тут же подняла лук, висевший на седле, вставила стрелу и натянула тетиву. Турджан бросился к ней, уклонившись от выстрела и от растерянного взмаха шпагой, схватил девушку за талию и стащил на землю.

Она бешено сопротивлялась. Турджан не хотел ее убивать, в связи с чем ему пришлось с ней бороться, в какой-то степени поступившись достоинством. В конце концов ему удалось заломить ей руки за спину — девушка больше не

могла защищаться.

«Успокойся, ведьма! — прикрикнул на нее Турджан. — А не то я потеряю терпение и оглушу тебя одним ударом!»

«Делай, что хочешь, — задыхаясь, прошипела незнакомка. — Жизнь и смерть — сестры-близнецы!»

«Почему ты на меня напала? — недоумевал Турджан. — Я тебе ничего не сделал».

«Ты — исчадие зла, как и всё в этом мире! — от волнения у нее на шее напряглись тонкие жилы. — Если бы я могла, я раскрошила бы всю Вселенную в окровавленный щебень и скакала бы на нем, пока он не превратился бы в бесформенную первородную грязь!»

Удивленный такой ненавистью, Турджан слегка ослабил хватку, и пленница едва не вырвалась. Но он успел удержать ее: «Скажи — где найти Панделюма?»

Девушка прекратила попытки высвободиться, взглянула Турджану в глаза и сказала: «Ищи по всему Эмбелиону. Ничем я тебе не помогу!»

«Если бы она вела себя поприветливее, — подумал Турджан, — ей нельзя было бы отказать в исключительной привлекательности».

Вслух он произнес: «Говори, где найти Панде-

люма! Иначе я найду тебе другое применение».

Она немного помолчала, глядя в небо сумасшедшим пламенным взором, после чего ответила звенящим голосом: «Панделюм живет рядом, у ручья».

Турджан отпустил ее, предусмотрительно отобрав у нее шпагу и лук: «Если я верну тебе оружие, ты оставишь меня в покое?»

Бросив на него возмущенный взгляд, она молча вскочила на коня и ускакала в лес.

Турджан смотрел ей вслед, пока наездница не исчезла за стволами, переливавшимися бликами подобно самоцветам, после чего повернулся и ушел в противоположном направлении — туда, где в пруд впадал ручей. Вскоре он заметил перед вереницей темных деревьев продолговатую приземистую усадьбу из красного камня. Как только он подошел ближе, входная дверь распахнулась. Турджан настороженно замер.

«Входи! — послышался голос. — Входи, Турджан из Миира!»

Продолжая дивиться происходящему, Турджан зашел в усадьбу Панделюма. Он оказался в помещении, пол и стены которого украшали орнаментальные ковры; здесь не было никакой мебели, кроме одного небольшого дивана. Ему

навстречу никто не вышел. В стене напротив была закрытая дверь; Турджан уже приготовился ее открыть, когда голос заговорил снова: «Стой, Турджан! Никому не дозволено видеть Панделюма. Таков закон».

Отступив от внутренней двери, Турджан обратился к невидимому хозяину усадьбы: «Панделюм! Моя задача состоит в следующем. Уже много лет я пытаюсь сотворить человеческое существо в растильных чанах. И каждый раз меня постигает неудача, так как мне не хватает фактора, развивающего органы и ткани в надлежащем порядке и в надлежащих пропорциях. Можно предположить, что тебе известна такая контролирующая матрица. Поэтому я обращаюсь к тебе за советом».

«Буду рад тебе помочь, — ответил Панделюм. — С оказанием помощи, однако, связан дополнительный, но существенный вопрос. Вселенная упорядочена посредством симметрии и равновесия. Каждому аспекту бытия соответствует равновеликий противоположный аспект. Следовательно, даже в узких рамках нашей тривиальной сделки необходимо обеспечить эквивалентность противоположностей. Только так, и никак иначе. Я согласен оказать тебе со-

действие; следовательно, ты должен оказать мне равноценную услугу. Как только ты справишься с моим пустячным поручением, я предоставлю тебе все интересующие тебя инструкции и рекомендации, к твоему полному удовлетворению».

«В чем может заключаться такое поручение?» — поинтересовался Турджан.

«В Асколаисе, недалеко от замка Миир, живет один человек. У него на шее висит амулет, вырезанный из синего камня. Возьми у него этот амулет и принеси его мне».

Турджан задумался. «Хорошо! — сказал он наконец. — Сделаю все, что смогу. Кто этот человек?»

Панделюм ответил тихо и мягко: «Принц Кандив Златокудрый».

«А! — Турджан горестно вздохнул. — Ты не мог придумать ничего неприятнее… Тем не менее, как я уже упомянул, я сделаю все, что смогу».

«Прекрасно! — сказал Панделюм. — А теперь я должен тебя подготовить. Кандив прячет амулет под нательной рубашкой. Когда принц замечает врага, он вынимает амулет из-под рубашки, и камень открыто висит у него на груди. Это могущественный талисман! Ни в коем случае не смотри на него ни до, ни после того, как ты его возьмешь — в противном случае неизбежны

самые ужасные последствия».

«Понятно, — кивнул Турджан. — Не забуду соблюдать осторожность. У меня есть еще один вопрос — надеюсь, я смогу получить на него ответ, не спустив предварительно Луну на Землю и не дистиллируя в колбе эликсир, который ты случайно пролил в море».

Панделюм расхохотался: «Спрашивай! Я отвечу».

Турджан задал вопрос: «Как только я приземлился неподалеку от твоего жилища, меня попыталась убить женщина, находившаяся в состоянии безумной ярости. Я не позволил ей это сделать, и она удалилась, кипя от возмущения. Кто эта женщина, и почему она ненавидит всё вокруг?»

Панделюма вопрос явно позабавил. «У меня тоже есть растильные чаны, — пояснил он, — в которых формируются различные одушевленные существа. Я сотворил эту девушку, по имени Тсаис, но при этом не уделил синтезу достаточного внимания. Уже к тому времени, когда она вылезла из питательного раствора, у нее в мозгу сложилось извращенное восприятие действительности: то, что нам кажется прекрасным, ей представляется отвратительным и уродливым, а

то, что нам кажется уродливым, в ее глазах становится непереносимо гнусным и мерзким — в такой степени, что мы не можем даже вообразить интенсивность ее эмоций. Всё в этом мире вызывает у нее жестокие мучения, а все населяющие его существа, с ее точки зрения, руководствуются самыми злобными и подлыми побуждениями».

«Вот оно что! — пробормотал Турджан. — Достойный сожаления просчет!»

«А теперь, — деловито продолжал Панделюм, — тебе пора в Кайин, знамения благоприятны… Через несколько секунд открой эту дверь, войди и встань на участке пола, покрытом рунами».

Турджан выполнил эти указания. Следующее помещение оказалось круглым в плане, с высоким куполом; световые колодцы пропускали каскады изменчивых разноцветных лучей Эмбелиона. Как только Турджан встал на каменную плиту с вырезанными на ней рунами, Панделюм снова заговорил: «Теперь закрой глаза, потому что мне нужно войти и прикоснуться к тебе. Ни в коем случае, однако, не пытайся на меня взглянуть!»

Турджан закрыл глаза. Через некоторое время у него за спиной послышался шорох шагов. «Протяни руку в сторону, ладонью вверх!» — приказал

голос. Турджан подчинился и почувствовал на ладони какой-то твердый предмет. «Когда ты выполнишь поручение, — продолжал голос, — раздави этот кристалл в кулаке — и ты сразу вернешься в это помещении». На плечо Турджана легла холодная рука. «Через мгновение ты заснешь, — сказал Панделюм. — И проснешься в столичном городе Кайине».

Рука отпустила плечо Турджана. Он стоял, ожидая перемещения. У него закружилась голова. Воздух внезапно наполнился звуками — невнятным шумом разговоров, перезвоном множества колокольчиков, музыкой, возгласами. Турджан поджал губы и нахмурился: странно, что в аскетическом жилище Панделюма начался такой бедлам!

Рядом раздался громкий женский голос: «Посмотри, Сантаниль, на этого чудака! Зажмурился, как филин, не хочет видеть, как другие веселятся!»

Спутник женщины рассмеялся, но тут же осекся и пробормотал: «Пойдем отсюда! Он явно чем-то огорчен и может взбеситься. Пойдем!»

Поколебавшись, Турджан открыл глаза. В белокаменном Кайине шумела очередная праздничная ночь. Подгоняемые легким ветерком, в

небе беспорядочно плыли оранжевые фонари. С балконов свисали гирлянды цветов и стеклянные золоченые клетки с голубыми светлячками. По улицам бродили толпы разгоряченных вином горожан в причудливых костюмах. За мелантинским шкипером следовал боец Зеленого легиона Вальдарана, а им навстречу шагал другой представитель воинственной древности в старинном шлеме. На небольшой огороженной площадке украшенная цветочными ожерельями куртизанка с Кочикского побережья исполняла под музыку флейт «Танец четырнадцати шелковых па». В тени балкона девушка в наряде дикарки из Восточной Альмерии обнималась с выкрасившим кожу в угольно-черный цвет бородачом в кожаной сбруе лесного деоданда. Как веселились люди престарелой Земли! Они лихорадочно наслаждались жизнью — ибо скоро, когда красное Солнце мигнет наконец в последний раз и потухнет, должна была наступить вечная ночь.

Турджан слился с толпой. Проходя мимо таверны, он завернул туда и подкрепился печеньем со стаканом вина, после чего направился дальше, к дворцу Кандива Златокудрого.

Перед ним возвышался дворец — все окна, все балконы были озарены внутренним светом.

Здесь пировали и веселились столичные лорды. «Если принц Кандив пьян и утомился танцами, — размышлял Турджан, — похитить амулет будет не так уж трудно». Тем не менее, Турджан не мог просто так явиться во дворец — в Кайине его многие знали. Поэтому, пробормотав заклинание, он вызвал мантию Фандаала и тут же исчез, невидимый для всех, кроме себя самого.

Он проскользнул под аркой входного портала в парадный зал, где лорды Кайина забавлялись так же шумно, как уличная толпа. Турджан лавировал в радужной суматохе шелковых, вельветовых, атласных одежд, насмешливо поглядывая на флиртующие парочки. Иные гости принца стояли на террасе и смотрели вниз, в глубокий бассейн, где плавали, фыркая и угрожающе поглядывая вверх, два пойманных в лесу матово-черных деоданда; другие бросали оперенные дротики в распятое тело молодой ведьмы с Кобальтовой горы. В альковах украшенные цветами девушки предлагали старцам-астматикам радости синтетической любви; на роскошных ложах распластались любители счастливых снов, отупевшие от наркотических порошков. Нигде, однако, Турджан не видел принца. Он бродил по дворцу из одного зала в другой, пока,

наконец, не заметил в гостиной верхнего этажа высокого человека с золотистой бородой — принца Кандива, развалившегося на софе в компании зеленоглазой девочки в маскарадной маске, с бледно-зелеными волосами.

Интуиция — и, возможно, талисман — предупредили Кандива о появлении невидимого Турджана, бесшумно раздвинувшего багровые портьеры. Принц вскочил на ноги.

«Прочь! — приказал он девочке. — Уходи, быстро! Я чувствую предательство, оно уже близко! Уходи, или мои чары уничтожат тебя вместе с предателем!»

Девочка поспешно покинула гостиную. Кандив взялся за цепочку на шее и вытащил спрятанный амулет — но Турджан успел прикрыть глаза.

Кандив произнес могущественное заклинание, освобождавшее все окружавшее его пространство от любых искажений. Мантия Фандаала рассеялась, и Турджан перестал быть невидимкой.

«Турджан из Миира прокрался во дворец!» — рявкнул принц.

«Смерть готова сорваться с моих уст! — пригрозил Турджан. — Повернись ко мне спиной, Кандив, или я скажу пару слов — и тебя проткнет моя шпага!»

Принц сделал вид, что готов подчиниться, но вместо этого выкрикнул заклинание, окружившее его «Непроницаемой сферой».

«А теперь я позову охрану, Турджан! — презрительно обронил Кандив Златокудрый. — И тебя сбросят в бассейн к деодандам».

Кандив не знал, что древняя руна, вырезанная в камне браслета на запястье Турджана — талисман не менее могущественный, чем убийственный амулет принца — создавала поле, преодолевавшее любые известные людям чары. Продолжая прикрывать глаза ладонью, Турджан шагнул внутрь искристой сферы. Большие голубые глаза принца выпучились.

«Зови охранников! — сказал Турджан. — Они найдут твое тело, разрисованное ветвистыми следами молний!»

«*Твое* тело, Турджан!» — воскликнул принц и торопливо произнес заклинание. В то же мгновение ослепительные зазубренные разряды великолепного призматического спрыска пронзили воздух, окружив Турджана со всех сторон. Кандив наблюдал за яростным фейерверком, мстительно оскалив зубы, но торжествующее выражение тут же сменилось на его лице испугом. В сантиметре от кожи Турджана огненные стрелы

рассеялись сотнями облачков серого дыма.

«Повернись спиной, Кандив! — повторил Турджан. — Твои чары — детские фокусы в силовом поле руны Лаккоделя». Но принц шагнул к стене — там была устроена замаскированная пружина.

«Стой! — закричал Турджан. — Еще один шаг, и спрыск расщепит тебя на тысячу ошметков!»

Кандив застыл. Дрожа от бессильной злобы, он повернулся спиной к Турджану, а тот, быстро шагнув вперед, протянул руку к шее принца, схватил амулет и сорвал его вместе с цепочкой. Амулет дрожал в руке, сквозь пальцы сжатого кулака просвечивало мертвенно-голубое сияние. Ум Турджана помрачился, в ушах его зазвучали алчные, настойчивые голоса… Турджан отвернулся: в глазах прояснилось. Он отступил от Кандива, засовывая амулет в поясную сумку. Кандив спросил: «Могу ли я теперь повернуться к тебе лицом, не подвергая опасности свою жизнь?»

«Можешь», — отозвался Турджан, застегивая сумку. Заметив, что Турджан отвлекся, принц Кандив как бы ненароком сделал второй шаг к стене и взялся рукой за пружину.

«Турджан! — сказал принц. — Ты погиб. Ты не успеешь заикнуться, как под тобой разверзнется пол, и ты упадешь в глубокое подземелье.

Способны ли твои чары нейтрализовать силу притяжения?»

Турджан замер, глядя в раскрасневшуюся, обрамленную золотистыми кудрями физиономию принца, после чего робко опустил глаза и покачал головой: «Ах, Кандив! Ты меня перехитрил. Если я верну тебе амулет, ты меня отпустишь?»

«Брось амулет к моим ногам! — торжествующе приказал принц. — Кроме того, отдай мне руну Лаккоделя. После этого, может быть, я тебя помилую — мы еще посмотрим».

«Даже руну?» — спросил Турджан, заставляя себя говорить дрожащим жалобным голосом.

«Руну — или жизнь!»

Турджан опустил руку в поясную сумку и сжал в кулаке кристалл, полученный от Панделюма. Вынув руку из сумки, он приложил кристалл к эфесу шпаги. «Нет, Кандив! — сказал он. — Я разгадал твой обман. Ты надеешься запугать меня пустыми угрозами. Не выйдет!»

Принц пожал плечами: «Что ж, умри!» Он нажал на пружину. Пол раскрылся, и Турджан исчез в провале. Но когда Кандив Златокудрый поспешно спустился в подземелье, чтобы обыскать труп Турджана, он никого и ничего не нашел — и провел остаток ночи в мрачных раздумьях,

опорожняя один бокал вина за другим и время от времени стуча кулаком по столу.

Турджан опять оказался в круглом помещении усадьбы Панделюма. Разноцветные лучи Эмбелиона струились ему на плечи из световых колодцев: синие, как сапфиры, желтые, как лепестки ноготков, кроваво-красные. Турджан прислушался: ни звука. Он сошел с каменной плиты, покрытой рунами, тревожно поглядывая на дверь — вдруг Панделюм зайдет в помещение, не подозревая о его прибытии?

«Панделюм! — позвал Турджан. — Я вернулся!»

Ответа не было. Во всей усадьбе царила мертвая тишина. Турджану хотелось выйти — куда-нибудь, где подавляющий дух волшебства меньше стеснял бы его движения и мысли. Он посмотрел по сторонам — одна дверь вела в приемную с диваном и коврами. Он не знал, куда вели другие двери. Та, что справа, скорее всего позволяла выйти наружу — Турджан уже положил руку на засов, чтобы открыть его. Но задержался. Что, если он ошибается, и ему станет известна внешность Панделюма? Не предусмотрительнее ли подождать здесь или в приемной?

Ему пришло в голову простое решение проблемы. Повернувшись к двери спиной, он распахнул

ее и сделал пару шагов назад.

«Панделюм!» — снова позвал он.

За спиной послышался тихий прерывистый звук — казалось, кто-то тяжело дышал. Турджан испугался, снова зашел в светлое круглое помещение и закрыл за собой дверь.

Приготовившись терпеливо ждать, он присел на пол.

Из соседней комнаты донесся хриплый возглас: «Турджан? Ты здесь?»

Турджан вскочил: «Да, я вернулся с амулетом!»

«Скорее! — задыхаясь, произнес голос. — Прикрой глаза рукой, повесь амулет на шею и входи».

Невольно заразившись настойчивой тревогой, звучавшей в голосе, Турджан закрыл глаза и разместил амулет на груди. Нащупав дверь, он распахнул ее.

Какое-то мгновение продолжалось напряженное молчание потрясения, после чего разразился ужасный визгливый вопль, настолько дикий и демонический, что Турджан чуть не упал в обморок — у него звенело в ушах. Казалось, воздух сотрясали взмахи гигантских крыльев, что-то громко шипело, что-то скрежетало, как металл. На Турджана налетел глухо ревущий порыв

ледяного ветра. Что-то еще раз прошипело — и наступила тишина.

«Позволь выразить тебе мою благодарность, — прозвучал спокойный голос Панделюма. — Не так уж часто мне случалось оказываться в настолько отчаянном положении, и без твоей помощи, возможно, мне не удалось бы изгнать это исчадие ада».

Рука сняла амулет с шеи Турджана. Панделюм замолчал, но вскоре заговорил снова — на этот раз издалека: «Теперь ты можешь открыть глаза».

Турджан подчинился. Он находился в лаборатории Панделюма; помимо прочих устройств и механизмов, он сразу заметил растильные чаны — почти такие же, как у него.

«Не буду больше тебя благодарить, — продолжал Панделюм, — но во имя поддержания надлежащего равновесия во Вселенной отплачу тебе услугой за услугу. Я не только покажу тебе, как работать с растильными чанами, но и сообщу другие полезные сведения».

Таким образом Турджан стал подмастерьем Панделюма. Весь день и до глубокой переливчатой эмбелионской ночи он работал под невидимым руководством чародея. Он узнал секрет возвращения юности, выучил множество

древних заклинаний, а также постиг основы причудливой абстрактной дисциплины, которую Панделюм называл «математикой».

«Сфера математики охватывает всю Вселенную, — пояснял Панделюм. — Само по себе это средство пассивно и не является волшебством, но оно позволяет пролить свет на сущность любой проблемы, каждой фазы бытия и всех тайн пространства-времени. В наших заклинаниях и рунах используется могущество математики — в основе мозаики процессов, которые мы называем «магией», лежат математически закодированные формулы. О первоисточниках, порождающих эту мозаику, мы даже не догадываемся — все наши познания носят дидактический, эмпирический, спорадический характер. Фандаалу удалось угадать некую закономерность, благодаря чему он сформулировал многие заклинания, названные в его честь. На протяжении тысячелетий я стремился проникнуть через туманное стекло этой истины, но до сих пор мои поиски ни к чему не привели. Тот, кто откроет эту закономерность, станет властелином всех чар — человеком, власть которого превзойдет любые потуги воображения».

Турджан прилежно приступил к поглощению

знаний и усвоил многие математические методы.

«В математике я нахожу чудесную красоту, — говорил Панделюму Турджан. — Это не наука, это искусство: уравнения складываются из элементов, как разрешения последовательностей аккордов, и при этом постоянно сохраняется симметрия, очевидная или подспудная, но всегда хрустально безмятежная».

Несмотря на прочие занятия, бóльшую часть времени Турджан посвящал работе с растильными чанами под руководством Панделюма и добился в этом отношении желаемого мастерства. В качестве развлечения он сформировал девушку экзотической внешности и нарек ее Флориэлью. Ему почему-то запомнилась прическа девочки, которую он застал праздничной ночью в обществе принца Кандива, и он наделил свое создание бледно-зелеными волосами. У Флориэли были большие изумрудные глаза и кожа оттенка кремового загара. Когда он помогал ей, влажной и безукоризненно сложенной, подняться из чана, Турджан был опьянен радостью. Флориэль быстро училась и вскоре могла уже говорить с Турджаном. Она отличалась мечтательным и томным нравом — ей больше всего нравилось

гулять среди цветов на лугу или молча сидеть на берегу ручья; тем не менее, ее существование доставляло Турджану удовольствие, его забавляли ее изысканно-нежные манеры.

Но однажды мимо проезжала на коне черноволосая Тсаис — поблескивая непреклонно ненавидящими глазами, она косила шпагой цветы. Неподалеку бродила невинная Флориэль. Тсаис воскликнула: «Зеленоглазая женщина! Твоя внешность меня ужасает, ты заслуживаешь смерти!» — и отрубила ей голову таким же движением, каким рубила цветы.

Услышав топот копыт, Турджан вышел из лаборатории — как раз в тот момент, когда Тсаис вершила кровавую расправу. Турджан побледнел от ярости; с его уст готово было сорваться скручивающее шею проклятие. Тсаис обернулась к нему и злобно выругалась; на ее искаженном лице, в ее темных глазах отражались мучительная тоска и непокорный дух, заставлявший ее бросать вызов судьбе и жить несмотря ни на что. В Турджане боролись противоречивые чувства, но в конце концов он позволил Тсаис ускакать прочь. Похоронив Флориэль на берегу ручья, он попробовал забыть ее, с головой погрузившись в исследования.

Через несколько дней он поднял голову и спросил: «Панделюм, ты здесь?»

«Что тебе угодно, Турджан?»

«Ты упомянул о том, что, когда ты формировал Тсаис, у нее в мозгу возникло нарушение. Теперь я хотел бы создать девушку, такую же, как она, столь же страстную и порывистую, но со здоровым духом в здоровом теле».

«Будь по-твоему», — безразлично отозвался Панделюм и продиктовал Турджану программу.

И Турджан стал выращивать сестру неистовой Тсаис, день за днем наблюдая за тем, как формировались такое же стройное тело, те же гордые черты.

Когда пришло время, она села в чане, открыв лучистые жизнерадостные глаза. У Турджана захватило дыхание — он поспешил помочь ей спуститься на пол.

Она стояла перед ним — влажная и обнаженная сестра Тсаис. Но лицо Тсаис подергивалось от ненависти, а спокойное лицо ее сестры готово было радоваться жизни; глаза Тсаис пылали яростью, а в глазах ее сестры сверкали искры воображения.

Турджан дивился совершенству своего создания. «Тебя зовут Тсаин, — сказал он. — И я уже

знаю, что ты станешь частью моей жизни».

Он забросил все дела, чтобы учить Тсаин — и она училась с чудесной быстротой.

«Скоро мы вернемся на Землю, — сообщил он ей. — В мой дом над широкой рекой в лесистой стране Асколаис».

«На Земле небо тоже переливается цветами радуги?» — спросила Тсаин.

«Нет, — ответил Турджан. — Земное небо — бездонная темная синева, и в этой синеве движется древнее красное Солнце. Когда наступает ночь, в небе загораются звезды — они образуют созвездия, я тебе их покажу. Эмбелион прекрасен, но Земля обширна, ее горизонты простираются в таинственную даль. Как только Панделюм мне позволит, мы вернемся на Землю».

Тсаин любила купаться в ручье; Турджан иногда спускался с ней на берег и мечтательно забавлялся, обрызгивая девушку водой и бросая в ручей камешки. Он предупредил Тсаин об опасности, исходившей от ее сестры, и она обещала сохранять бдительность.

Но в один прекрасный день, когда Турджан уже готовился к отбытию, она ушла по лугам дальше обычного, забывшись в созерцании спектральных переливов неба, величественных высоких

деревьев с утопающими в туманной дымке кронами, изменчивых цветов у нее под ногами; она смотрела на мир с изумлением, доступным только тем, кто недавно встал из растильного чана. Тсаин поднялась и спустилась по нескольким склонам, после чего зашла в тенистый лес, где журчал еще один ручей. Напившись прохладной воды, Тсаин прошла дальше по берегу и вскоре заметила небольшую землянку.

Дверь хижины была открыта. Тсаин заглянула внутрь — ей хотелось знать, кто там живет. Но землянка пустовала; единственными предметами в ней были аккуратная циновка из травы, полка с простой посудой из дерева и олова, а также стол, на котором стояла корзина с орехами.

Тсаин повернулась, чтобы уйти, но тут же услышала топот копыт, угрожающе приближавшийся, как дробь барабана судьбы. Черный конь остановился прямо перед ней. Тсаин робко отступила в хижину — все предупреждения Турджана пронеслись у нее в памяти. Но Тсаис спешилась и направилась к ней со шпагой наготове. Она уже замахнулась, чтобы нанести удар, когда глаза двух девушек встретились — и Тсаис удивленно замерла.

Если бы кто-нибудь стал свидетелем этой сце-

ны, ему пришло бы в голову, что никто никогда не видел ничего подобного. Две одинаковые красавицы в одинаковых белых бриджах, подвязанных на талии, с одинаково горящими глазами и растрепанными черными волосами, одинаково стройные и бледные, стояли лицом к лицу — но лицо одной выражало ненависть к каждому атому мироздания, тогда как лицо другой с восхищением приветствовало жизнь.

Тсаис обрела дар речи: «Как это может быть, ведьма? Мы похожи, как две капли воды, но ты — не я. Или на меня снизошло наконец благословение безумия, чтобы помрачить мое восприятие мира?»

Тсаин покачала головой: «Меня зовут Тсаин. Ты, Тсаис — моя сестра, мы близнецы. Поэтому я должна тебя любить, а ты должна любить меня».

«Любить? Я не люблю никого и нечего! Я должна тебя убить и тем самым избавить мир от еще одного исчадия зла!» Она снова замахнулась шпагой.

«Нет! — отчаянно вскрикнула Тсаин. — Почему ты желаешь мне зла? Я на сделала ничего плохого!»

«Плохо уже то, что ты существуешь! Кроме того, ты издеваешься надо мной и оскорбляешь меня,

явившись сюда в моем безобразном обличье!»

Тсаин рассмеялась: «Безобразном? Этого не может быть. Турджан говорит, что я — красавица. Поэтому ты — тоже красавица».

Бледное лицо Тсаис окаменело: «Ты надо мной смеешься».

«Ни в коем случае! Ты на самом деле прекрасна».

Острие шпаги Тсаис опустилось к земле. Ее лицо расслабилось, стало задумчивым: «Красота! Что такое красота? Может ли быть, что я лишена способности видеть, как все, что какой-то демон искажает мое зрение? Скажи мне: как увидеть красоту?»

«Не знаю, — призналась Тсаин. — Для меня это очень просто. Разве радужные переливы неба не прекрасны?»

Тсаис с изумлением посмотрела вверх: «Эти режущие глаза сполохи? Они вызывают либо раздражение, либо уныние, но в любом случае омерзительны».

«Смотри, как изящны эти цветы — хрупкие, очаровательные!»

«Паразиты! Причем они отвратительно воняют».

Тсаин была в замешательстве: «Не знаю, как

объяснить тебе красоту. По-моему, ты ничему не радуешься. Что-нибудь приносит тебе удовлетворение?»

«Только убийство и разрушение. Надо полагать, в убийстве и разрушении есть красота».

Тсаин нахмурилась: «Я сказала бы, что убийство и разрушение — это зло».

«Ты на самом деле так думаешь?»

«Я в этом убеждена».

Тсаис снова задумалась: «Как же я могу решить, что́ мне следует делать? Я знала, что́ делать — а теперь ты говоришь, что это зло!»

Тсаин пожала плечами: «Я прожила всего несколько дней, мне не хватает мудрости. Но я знаю, что всё живое появляется на свет, чтобы жить. Турджан мог бы тебе это объяснить гораздо лучше меня».

«Кто такой Турджан?» — поинтересовалась Тсаис.

«Очень добрый человек, — отозвалась Тсаин. — Я его очень люблю. Мы скоро улетим на Землю, где небо — огромное, глубокое и темно-синее».

«На Землю… Если бы я улетела на Землю, смогла бы я найти красоту и любовь?»

«Может быть. Твой мозг способен понять красоту, а твоя собственная красота привлечет

любовь».

«Тогда я больше не буду убивать — невзирая на отвращение ко всему, что я вижу. Я попрошу Панделюма отправить меня на Землю».

Тсаин сделала шаг вперед, обняла Тсаис и поцеловала ее: «Ты — моя сестра, и я тебя буду любить».

Тсаис оцепенела. «Разорви ее на куски! Проткни шпагой! Укуси ее!» — кричал ее мозг, но какое-то другое, более глубокое побуждение начало согревать ее взволнованную кровь, исходя из каждой клетки тела, и наполнило ее внезапной волной теплоты. Тсаис улыбнулась: «Хорошо! Я люблю тебя, сестра моя! Я больше не буду убивать, я найду и познаю красоту на Земле — или умру».

Тсаис вскочила в седло и ускакала прочь, чтобы искать любовь и красоту на Земле.

Тсаин стояла у входа в землянку, провожая глазами сестру, удалявшуюся в переливающийся радужными бликами лес. Кто-то позвал ее — к ней спешил Турджан.

«Тсаин! Эта сумасшедшая на тебя напала? — он не стал дожидаться ответа. — Довольно! Я испепелю ее одним проклятием, чтобы она больше никому не причиняла боль!»

Он повернулся лицом к лесу, чтобы произнести

ужасное заклинание огненной струи, но Тсаин зажала ему рот: «Нет, Турджан, молчи! Она обещала больше не убивать. Она попросит Панделюма отправить ее на Землю, где она будет искать то, чего не может найти в Эмбелионе».

Турджан и Тсаин стояли и смотрели вслед фигуре наездницы, исчезавшей за стволами где-то в многоцветных холмах.

«Турджан!» — сказала Тсаин.

«Я тебя слушаю».

«Когда мы будем на Земле, ты найдешь мне черного коня — такого, как у Тсаис?»

Турджан рассмеялся: «Конечно!» И они направились обратно к усадьбе Панделюма.

~ ~ ~